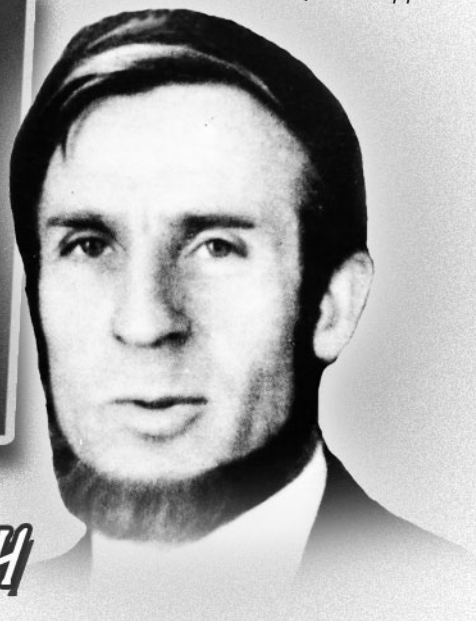

Рейно КОТТИг. Иматра,
Финляндия**Наброски к портрету художника****Дорогой жизни**

Мартовской ночью 1942 года из осажденного Ленинграда вышла очередная колонна грузовиков с блокадниками. Среди изможденных людей, кутавшихся от резких порывов ветра в пальто, платки и плотно натянутые на головы шапки, в кузове старой полуторки был угловатый, худой подросток. Звали его Рейно Юссикайнен.

Война застала Рейно на Карельском перешейке в деревне Юкки. Его отец был арестован в тридцатые годы и бесследно пропал. Перед самой войной Рейно по несчастью потерял связь со своей матерью, сестрой и скоро ощутил на себе, что такое быть круглым сиротой. «Я вдруг оказался совсем один. Один как перст», – с болью вспоминал он много лет позже. В Юкки сироту приютили дальние родственники. Однако парнишка так сильно переживал свое одиночество, что не смог прижиться у сердобольных родных. Он замкнулся, ожесточился и с юношеским безрассудством решил идти по жизни один, без сторонней помощи. На пункте сбора эвакуируемых ленинградцев, который находился у Финляндского

вокзала, парень оказался случайно. Голодный, полуживой Юссикайнен появился в нужном месте – на пункте сбора у Финляндского вокзала – в нужное время.

Спасительный путь из хмурого прифронтового, промерзшего насквозь Ленинграда на Большую землю по льду Ладоги запечатлелся в памяти юноши как жуткий фантастический фильм, снятый на черно-белой пленке. «Может быть, это был сон?» – спрашивал себя впоследствии юноша. Он и в самом деле неоднократно за время рейса впадал в забытие и, очнувшись в очередной раз от удара о борт автомашины, не всегда мог представить, где он находится и что происходит вокруг. Грузовик трясло и кидало в пробитой во льду колее, заполненной бурлящей под колесами ладожской водой. В черном непроницаемом пространстве ночи металась из стороны в сторону лучи света от фар бесконечной колонны грузовиков, упорно ползущей к заветному восточному берегу бухты Петрокрепость. То и дело из-под колес машин в воздух взлетали мириады брызг, моментально превращавшихся на пронизывающем ветру в колючий ледяной дождь.

Грузовик, в котором ехал Рейно Юссикайнен, успешно преодолел весь путь по Дороге жизни и добрался до суши. Вскоре неугомонный юноша, едва восстановив силы после тяжелого голода, который ему чудом удалось пережить, отправился на восток. Рейно решил во что бы то ни стало разыскать свою тетку, которая должна была, по его представлению, жить в Сибири, где-то в Северо-Енисейске. Все выходцы из большой семьи Юссикайненов раньше жили на Карельском перешейке по соседству – в деревнях Мистолово, Сярги, Рапполово, Юкки. В начале тридцатых годов семью тетки, которая жила в Мистолово, раскулачили и сослали в Сибирь на золотые прииски близ Северо-Енисейска. Случайный знакомый в госпитале, где лечился Рейно, разъяснил, что этот город находился где-то страшно далеко на север от Красноярска. «Безнадежное дело. Ты, парень, туда живым не доберешься», – уверенно заявил знакомый, когда услышал от Рейно честный ответ на вопрос, зачем ему нужно в город с романтическим названием Северо-Енисейск.

Безумная затея отчаянного юноши не увенчалась успехом. До любимой тетки в заветном Северо-Енисейске он так и не смог дойти. Во время своего рискованного похода на восток Рейно пережил многое. Он беспризорничал, голодал, был на грани жизни и смерти. Однажды, спасаясь от проводника, чуть не погиб, спрыгивая с подножки вагона очередного поезда, шедшего в сторону Красноярска. Парень на своей шкуре узнал, что значит мартовскими утренниками коченеть от холода в тамбуре вагона. На привокзальной площади Новосибирска ему приходилось биться за кусок хлеба с такими же, как он, обездоленными судьбой пацанами. Однако настырный, выносливый чухонец не сгинул на сибирских просторах. Он выжил.

В конце концов, после бесчисленных перипетий Рейно выбрался из Сибири обратно на Большую землю. Он оказался в Москве. В жизни Юссикайнена начался новый этап. Здесь после службы в армии молодой человек, выходец из небольшой ингерманландской деревни Сярги в пригороде Ленинграда, с редкостным упорством принялся реализовывать свою сокровенную детскую мечту – стать художником. В 1959 году в возрасте тридцати трех лет Рейно успешно окончил Московское академическое художественное училище памяти 1905 года. Вскоре после завершения учебы начинающий художник переехал в Петрозаводск поближе к родственникам, к любимой тетке, к своим финским корням.

В Карелии Юссикайнен состоялся как профес-

сиональный художник. В 1983 году ему было присвоено звание заслуженного деятеля искусств Республики Карелия. Основное место в творчестве Рейно Юссикайнена занимал политический плакат. Свои произведения художник посвящал теме мира, дружбы, созидания и красоты.

Суровые испытания, через которые Рейно Юссикайнен прошел в детстве и юности, закаляли его и научили верить в себя, в свои силы. В начале своего жизненного пути Рейно встретил немало добрых, отзывчивых людей. Но черствость, бессердечие и даже предательство, с чем юноше также пришлось столкнуться, внесли коррективы в его восприятие мира. Девизом всей жизни Рейно Юссикайнена стала формула: «Надейся только на себя и верь только в свои силы!»

История одного плаката

В семидесятом году художник совершил длительную поездку на Карельский перешеек. Он объехал, обошел пешком памятные с детства места: Сярги, Мистолово, Энколово, Юкки, Токсово, Рапполово, Куйзмало. От Финляндского вокзала Юссикайнен проделал путь до берега Ладоги, где зимой 1942 года грузовая полуторка, в которой среди эвакуируемых блокадников был и он, выехала на спасительный ладожский лед.

В 1971 году в результате долгих и тяжелых воспоминаний и размышлений Рейно Юссикайнен создал плакат «Дорога жизни, 1941–1943». На художественных выставках этот небольшой по размеру плакат неизменно приковывает к себе взгляд зрителя.

На переднем плане плаката, на однотонном тусклом темно-синем фоне изображен солдат. Он представлен зрителю в профиль по пояс. На правом плече солдата автомат. Его левая рука с открытой вверх ладонью поднята строго вертикально. Слева, в верхней части плаката, на уровне раскрытой солдатской ладони из белой, цвета лежалого снега, полосы проступает легко узнаваемый профиль Питера. Виден шпиль Петропавловской крепости. Белая полоса пересекает все поле плаката слева направо, превращаясь из силуэта заснеженного Ленинграда в ледяной покров Ладоги. На плакате у самых стен Петропавловской крепости ровная белоснежная полоса разрывается, образуя, словно из кусков льда, слова: «дорога жизни». Как раз здесь, в месте разрыва, «дорогу жизни» и поддерживает крепкая солдатская ладонь.

Закончив работу, художник несколько дней хо-

дил по Петрозаводску окрыленный. Он снова и снова мысленно возвращался к своей работе. Результат его радовал. Ему казалось, что он сумел скудным языком плаката передать те глубокие переживания, которые вкладывал в столь значимые для него два слова – «дорога жизни». Плакат отражал напряжение момента, драматизм тех трагических лет и вместе с тем передавал ощущение твердости духа невидимых на плакате жителей блокадного города. Образ солдата был исполнен спокойствия и непоколебимой решительности в преодолении тягот. В нем угадывалась неотвратимость будущей победы над врагами.

Работа «Дорога жизни, 1941–1943» была хорошо принята на худсовете. Было решено ходатайствовать перед Министерством культуры республики об издании небольшой серии этого плаката. Художник был счастлив.

Через некоторое время в назначенный день Юссилайнен пришел в типографию имени Анохина посмотреть на первый пробный оттиск со своего плаката. Радостный и возбужденный от предвкушения увидеть свою работу «в бумаге», художник прошел прямо к типографским мастерским. Он взял в руки первый бумажный оттиск и ... обомлел. На плакатном листе всё вроде бы было на месте. Были точно выдержаны размеры и пропорции, но это был другой плакат!

– Что вы наделали! – возмутился уязвленный автор, держа на вытянутых руках оттиск своего плаката.

– А что? Что здесь не так, Рейно Андреевич? – спросил удивленный мастер.

– Вы зачем из моей работы праздничную открытку сделали?! – шумел, не сдерживая своего разочарования, художник.

– Мы только фигуру солдата чуть высветлили и всё. А то у него цвет лица какой-то мрачный, пепельный, даже землистый. Для печати такой вряд ли пойдет, – с поучительным оттенком в голосе ответил опытный типографский специалист по цветам.

– Да что вы понимаете! – не унимался негодующий автор.

– Я понимаю достаточно, чтобы посоветовать вам, как лучше сделать, – спокойно и невозмутимо ответил выдавший виды мастер.

– Это не мой плакат, в такой задаче я его видеть не желаю! – отрубил художник и, кипя от возмущения, удалился, громко хлопнув за собой типографской дверью.

Скандал, произошедший с пробным типографским оттиском плаката, дошел до властных струк-

тур. Собрали худсовет, на котором автору плаката было предложено высказаться и объяснить, в чем, собственно, проблема.

– Блокада Ленинграда – это дикость, варварство. В городе от бесчеловечной пытки голодом погибло больше полумиллиона ни в чем не повинных людей! – взволнованно начал свое слово художник.

– Не надо нас агитировать! – прервал его чиновник. – Скажите лучше, почему вы не даете согласие на издание плаката, посвященного блокаде.

– Не мне вам объяснять, что в плакате важен каждый элемент, мельчайшая деталь, – снова, теперь более сдержанно, начал свою оправдательную речь Юссилайнен. – Цвет лица солдата – это не мелочь. Это, если хотите, камертон всей работы. В нем суть, сермяжная правда об ужасающих событиях тех лет. И отбеливать трагический образ – значит кривить душой, изменять исторической правде.

– Ну, это вы хватили, Рейно Андреевич! – сказал чиновник. – Наша страна одержала в Великой Отечественной войне победу, заплатив за нее огромную цену. Победа эта была добыта в кровопролитных боях доблестью и самоотверженностью советских солдат. В вашей же работе, согласитесь, – чиновник показал на плакат, стоявший в центре зала на мольберте, – советский солдат, герой, защитник Родины, выглядит совсем не оптимистично. Он скорее мертв, чем жив. Это, на мой взгляд, мало напоминает образ воина-победителя.

– Вам приходилось когда-нибудь в жизни видеть живой труп? – спросил вдруг плакатист, обращаясь к присутствующим. – А я видел. Мне навстречу по занесенному снегом питерскому двору шел, нет, не шел, а, еле передвигая ногами, приближался худой как скелет человек. На нем было тяжелое, не по размеру широкое, свисающее до пят черное пальто. Вдруг за несколько шагов до меня этот обтянутый кожей человеческий остов падает как подкошенный! Передо мной на сероватом, плотно утоптанном снегу страшным антрацитовым пятном лежал труп. Последний шаг этот человек сделал, уже будучи мертвым. Я на всю жизнь запомнил цвет лица этого человека, надвигавшегося на меня как тень из преисподней. Это лицо у меня и сейчас перед глазами – впалые, покрытые щетиной щеки, тонкий нос, застывший взгляд из глубины темных глазниц...

Художник повернулся к мольберту, на котором стояла его работа. Он стал внимательно гляды-

ваться в изображение центральной фигуры на плакате, словно желая еще раз убедиться в том, что цвет лица воина-защитника напоминает тот, что ему пришлось не раз видеть в голодном блокаде Ленинграде.

Рейно Юссикайнен продолжил с напором:

– Знаете ли вы, что такое алиментарная дистрофия? Так на языке медиков называется то, от чего главным образом умерли люди в Ленинграде. Это голодная смерть.

Затем он осматрелся по сторонам и, подойдя к стоявшему рядом рабочему стеллажу, взял с него мятый тюбик масляной краски.

– Вот такой черный кусочек хлеба на весь день, – негромко произнес художник, держа перед собой на широкой ладони маленький бесформенный предмет. – Ты можешь его съесть сразу, можешь потянуть, помучить себя, но больше еды у тебя не будет.

Присутствующие в зале молчали.

Прервал затянувшееся молчание один из старых членов худсовета:

– Ваш плакат, безусловно, хорош, но внутренняя идея вашей работы не пострадает, а, наоборот, только усилится, если образ солдата будет выделен, подчеркнут. Плакат тем самым обретет больший эмоциональный заряд.

Художник ответил не сразу. Он какие-то мгновения подыскивал нужные слова, стремясь донести до аудитории свое понимание темы плаката.

– Солдат в моей работе – это, говоря азбучным языком, обобщенное отображение жестокой действительности. Его не надо выпячивать, вырывать из жизненного контекста, возвышать над окружающей средой, – наконец сказал он. – Этот солдат прошел через страдания вместе с ленинградцами. Он один из них. Он сам есть частица событий и переживаний блокадных дней. Да, у моего безымянного защитника Ленинграда строгий, аскетичный вид. Он знает, что впереди его ожидают суровые испытания, но мой солдат жив и крепок духом и он готов до конца защищать свой город, несмотря на нечеловеческие страдания.

Рейно Юссикайнен посмотрел в зал на чиновника, затем, ища поддержки своим словам, перевел взгляд на своего друга портретиста Фолке Ниеминена. Беззаботно откинувшись на стуле, Фолке сидел, закинув ногу на ногу. Закадычный друг отстраненным взглядом смотрел в окно и молчал. Рейно понял, что в нынешнем споре поддержки своей позиции от коллег по цеху у него не будет. Он остался в одиночестве.

Обсуждение работы Рейно Юссикайнена «До-

рога жизни, 1941–1943» на худсовете завершил чиновник:

– На типографском плакате советский солдат не должен иметь землистый цвет лица, даже если работа посвящена трагическим событиям блокадных лет, – заключил он.

Выслушав мнение высокого начальства, художник только развел руками, словно говоря: «Ну что ж, жаль. Значит, не достучался, не убедил».

Юссикайнен не согласился и с предложениями опытных, знающих товарищей по цеху, которые подходили к художнику после собрания. Сочувствующие коллеги с пониманием отнеслись к мнению автора, к его трактовке тяжелой военной темы, но советовали не идти на принцип. По словам друзей-товарищей для типографского варианта нужно было всего лишь «чуть-чуть сместить акцент, сделать образ солдата более светлым, оптимистичным, чтобы наполнить работу новым содержанием». Художник остался при своем мнении.

Московская находка

После худсовета, на котором стало ясно, что плакат «Дорога жизни, 1941–1943» в серию не пойдет, Юссикайнен несколько дней ходил задумчивый... «Поеду-ка я в Москву разогнать тоску!» – наконец решил он и вечером следующего дня на «Арктике» отправился в столицу.

В дороге художник настойчиво старался гнать от себя мысли о прошедшем заседании худсовета. Чтобы отвлечься, даже взял в руки железно-дорожную газету. Бесцельно водя глазами по передовице «Гудка», он случайно прочел ключевую фразу статьи «о подготовке к грядущему юбилею». Ему вдруг стало легко и свободно. «50 лет СССР – это же тема! Вот над чем я буду теперь работать», – обрадованно подумал плакатист.

Художником всецело овладела новая творческая задача. Он бродил по знакомым улицам Москвы, заглянул в альма-матер, где не бывал со времен выпуска, посетил пару выставок современного искусства, прошелся по хорошо памятным ему залам Третьяковской галереи. Но, что бы он ни делал, его мысли все время кружились вокруг одного: как отразить в плакате юбилей государства? Круглая дата – 50 лет! В чем заключается неоспоримое достижение полувековой истории СССР, о котором надо простым и понятным языком плаката сказать людям?

Светлым воскресным днем Рейно Юссикайнен, прихватив с собой выдавший виды фотоап-

парат ФЭД, отправился на Выставку достижений народного хозяйства. Художник старательно обошел все павильоны национальных республик, истратил всю фотопленку, но решение творческой задачи не приходило. Направляясь к выходу с ВДНХ, Юссикайнен заметил у главного фонтана симпатичную молодую парочку. «А вы нас можете сфотографировать у фонтана Дружбы народов?» – спросила его девушка, посмотрев на висевший с плеча художника фотоаппарат. От услышанных слов художник слегка опешил. В голове яркой вспышкой промелькнуло: «Вот оно – решение!»

– Хотя я и не профессиональный фотограф, но я бы вас с огромным удовольствием сфотографировал у этого замечательного фонтана! Только у меня, к моему большому сожалению, пленка кончилась, – игриво, будто с притворным сожалением, объявил девушке плакатист, обрадованный случайно, вдруг обретенной идеей.

– Ой, извините! Мы думали, что вы из «Фотоуслуг», – сказала девушка, смущенная несколько странной реакцией на ее просьбу человека с фотоаппаратом.

Утро следующего дня Рейно Юссикайнен провел на ВДНХ. Он тщательно с разных углов сфотографировал все шестнадцать статуй главного фонтана. Созданный в 1954 году большим коллективом скульпторов, фонтан «Дружба народов» стал одной из главных примет выставки. «Красавица, – подумал художник, фотографируя последнюю женскую фигуру фонтана, изображавшую Карело-Финскую ССР, – не понадобится, однако». Вечером того же дня Рейно Юссикайнен купил «отсутствующий» билет на ближайший поезд до Петрозаводска, оборвожив кассиршу Ленинградского вокзала своей суровой и обаятельной нордической внешностью. Он спешил в Карелию, в мастерские Союза художников, к мольберту.

В 1972 году художник создал одно из лучших своих произведений – плакат «Союз республик нерушим!». Следуя законам жанра, автор стремился минимальными художественными средствами получить наибольший эмоциональный эффект. В своей работе он использовал только две краски – красную и белую. На ровном красном фоне главным элементом композиции плаката был герб, составленный из стилизованных изображений пятнадцати советских республик страны в виде женских фигур. Каждая фигура женщины с оригинальным цветком в руке была своеобразна и несла в себе характерный национальный образ республики, которую она представляет. Республики были размещены на плака-

те, как и статуи фонтана «Дружба народов» на ВДНХ, в порядке убывания численности населения. В основе герба располагались три республики – Россия, Украина и Белоруссия. В центре плаката неброско, но ясно, в тон всей работы читалась цифра «50».

В плакате, посвященном 50-летию образования СССР, Юссикайнен сумел оригинально и доходчиво, в максимально простой, лаконичной форме передать мысль, которую считал достойной большой юбилейной даты: сила государства – в дружбе народов, объединенных в равноправный союз советских республик. Работа Рейно Юссикайнена «Союз республик нерушим!» заслуженно вошла в число лучших образцов советского политического плаката.

«У себя»

После творческого успеха, пришедшего к нему с юбилейным плакатом, художник продолжал много и успешно работать. Критики и зрители творчества Рейно Юссикайнена всегда отмечали мастерство и высокую профессиональную культуру художника. Актуальность в выборе темы и умение оригинально, ярко раскрыть ее были характерными чертами творчества карельского плакатиста. Заметными творческими достижениями Юссикайнена стали работы «Весна. 1945 год», «Красота Карелии – чистые озера», «Калевала». 150 лет». Произведения художника регулярно экспонировались в Москве, Ленинграде на различных всесоюзных, всероссийских выставках. С творчеством карельского художника могли познакомиться и посетители выставок советского искусства за рубежом – в Австрии, Финляндии, Англии, Венгрии, Польше, ГДР.

Работа над плакатом к 50-летию СССР была счастливым периодом в творчестве Рейно Юссикайнена. Как бы невзначай, незаметно этот успех в творчестве наложил отпечаток на личную жизнь художника. С тех пор, сталкиваясь с какими-либо неурядицами в повседневной жизни, он нередко прибегал к одному и тому же, как ему казалось, верному способу устранения возникших затруднений – уезжал в Москву.

В столице в Гороховом переулке в маленькой квартирке по-прежнему проживали его жена и уже повзрослевший сын, выросший без ежедневного участия в его судьбе отца. В свое время коренная москвичка – супруга Юссикайнена категорически отказалась последовать за молодым, еще несостоявшимся художником в Карелию.

Супруги по обоюдному согласию жили каждый своей жизнью. Снова замуж супруга художника так и не собралась. Во время своих приездов в Москву Юссикайнен всегда останавливался «у себя» в Гороховом переулке.

В поисках талисмана

В начале своего «карельского» пути художник брался за любую работу. Он рисовал афиши к спектаклям, концертам, выставкам, делал макеты пригласительных билетов на новогоднюю ёлку, в центральной республиканской газете «Ленинская правда» печатались комиксы в три картинки, созданные рукой Юссикайнена. Неизвестно, как могла бы сложиться его творческая судьба, не окажись на его пути мудрого, внимательного профессионала, искусствоведа по призванию М.В.Поповой – основателя и первого директора Музея изобразительных искусств Республики Карелия.

Мария Васильевна Попова сыграла важную роль в жизни художника. Особенно ценной для Юссикайнена была ее профессиональная поддержка в период его творческого становления. Мария Васильевна посоветовала начинающему художнику попробовать себя в гравюре. Он сделал несколько интересных, как ему показалось, работ в линогравюре. Увлечшись, молодой художник стал всерьез задумываться о том, чтобы посвятить себя графике. «Когда-нибудь в счастье, обеспеченном будущем у меня будет свой собственный печатный станок», – мечтал он.

Мысли о собственном офортном станке, больше напоминавшие несбыточные маниловские фантазии, неожиданно для самого художника нашли практическое воплощение. Будучи как-то в гостях у своей любимой тетушки, Юссикайнен принялся просвещать своих далеких от искусства родственников, как образы, умственные творения художника обретают плоть, как из идеи, из продукта воображения посредством резьбы по безликому линолеуму можно создать шедевр.

– Ты что же, линолеум режешь и на стенку кусок линолеума как картину вешаешь? – серьезно заинтересовался муж тетушки, известный в родне своими умелыми руками.

Рейно Юссикайнен принялся разьяснять любознательному родственнику самым доступным образом, как создается графика:

– На куске линолеума вырезаешь рисунок. Потом валиком накатываешь гравюру краской. Берешь лист бумаги, накладываешь его на линолеум и прокатываешь на станке. Вот и все – гравю-

ра готова. Станок – это стальная широкая пластина, которая проходит под валом.

Процесс печати в изложении грамотного родственника показался сообразительному дяде Юре довольно простым...

Разговор у тетушки имел конкретное продолжение. Дядя Юра, работавший кузнецом в петрозаводской автоколонне 1123, взялся смастерить художнику печатный станок. Заметив во взгляде родственника тень сомнения, дядя Юра уверенно заявил:

– Ты мне станочек нарисуй, и потом мы с тобой серьезно поговорим. Мой отец, мой дед, все мои предки в Сакколе такие двуколки да сани делали, что весь Карельский перешеек на них ездил. Твой печатный станок я уж как-нибудь сварганю. Не сомневайся!

Как принято говорить в подобных случаях, история умалчивает, где дядя Юра раздобыл толстенькую, идеально отполированную стальную плиту, сколько и с кем было им выпито водки, чтобы в итоге важнейшая деталь станка – вал получился исключительно точности. Трудно представить, сколько времени ушло у умельца-кузнеца на создание передаточного механизма, оснастки станка, на доводку и регулировку всей конструкции, но только летом 1968 года Юссикайнен стал обладателем своего собственного офортного печатного станка.

Сотворенная потомком деревенских кузнецов конструкция получилась неважного вида. Громоздкий, неказистый, огромный – с половину бильярдного стола, высокий – с метр высотой – станок, опиравшийся на четыре кованые ноги, обладал, тем не менее, самым ценным достоинством – качеством его печати было отменным.

С появлением станка Юссикайнен поначалу активно, с азартом занялся линогравюрой. Он работал с энтузиазмом, но, несмотря на затраченные усилия, из-под вала печатного станка всякий раз появлялась линогравюра, которая не соответствовала высоким ожиданиям автора. После тягостных размышлений художник решил отложить эти занятия до лучших времен.

В результате настойчивых поисков своей темы Юссикайнен, в конце концов, избрал для себя трудную стезю плакатиста. Художник обнаружил интерес к плакату не без чуткого участия Марии Поповой. Рассматривая как-то свежий, пахнущий краской оригинал очередной афиши художника для спектакля Финского драматического театра, Мария Васильевна удивленно заметила: «Рейно, еще полшага – и это политический плакат!»

«Встреча»

Нередко вместо Москвы художник ретировался от наседавших на него жилищных, бытовых проблем, от случавшихся время от времени коллизий с близкими людьми, коллегами по цеху в Матросы. В Матросах – поселке, расположенном на реке Шуя, в двадцати километрах от Петрозаводска, художник построил себе своими руками оригинальную светлую дачу-мастерскую. На даче, в живописной деревенской тиши, его терпеливо ждал офортный печатный станок.

Почти каждый раз, приезжая на побывку в Матросы, художник брался за штихель. Одна из самых памятных гравюр Юссикайнена родилась во время его очередной добровольной ссылки в Матросы.

На окраине поселка художник увидел трогательную картину. Посредине обширного луга недвижимо стояли две лошади. Лошади стояли «в обнимку», положив голову на загривок друг другу. По словам знакомого пастуха, это были мать и сын, которых люди разлучили вскоре после появления на свет жеребенка. Через несколько лет расставания они встретились. С тех пор на пастбище лошади всегда были рядом.

История, рассказанная пастухом, растрогала художника до слез. Он вспомнил свое детство, горестные годы сиротства, тоску по родному дому, родителям. В тот раз Рейно Юссикайнен пробыл на даче в Матросах дольше обычного. Он вернулся в Петрозаводск с готовой линогравюрой, которую назвал «Встреча».

Москва слезам не верит

В конце восьмидесятых-начале девяностых годов в творчестве Рейно Юссикайнена наступил трудный период. Заказов не было. Работа не шла. Рабочая поверхность печатного станка, занимавшего добрую часть помещения его мастерской, представляла собой натюрморт из рулонов старых афиш, плакатов, раскрытых книг, остро заточенных карандашей, тюбиков из-под краски, банок с кистями, чашки недопитого чая, мятых, перемазанных красками тряпок. Пол в его мастерской был завален кусками ватмана с тщательно прорисованными или едва тронутыми карандашом нереализованными набросками, отвергнутыми черновиками.

В обществе, по словам художника, как и в его мастерской, «творился кавардак». Люди метались в поисках хлеба насущного, страшлись уг-

розы военного переворота, спешили на митинги в защиту свободы и демократии, мало представляя, что их ждет в будущем, которое молодые, неизвестно откуда объявившиеся реформаторы уверенно называли рыночным.

Затем произошло непоправимое. Рухнул СССР. В сознании советских людей нарушилась система координат – сразу, вдруг граждане «великого и могучего» союза стали гражданами какой-то одной своей еще совсем не великой и не могучей национальной республики, бывшей в недавнем прошлом одной пятнадцатой частью канувшего в Лету огромного государства. Новость о развале Советского Союза художник встретил мрачным кратким комментарием: «Пропили союз».

В те годы Юссикайнен стал все чаще наезжать в Москву. Творческая, личная жизнь в Карелии казалась художнику лишенной перспектив. Его настойчиво стала посещать мысль о переезде в столицу.

В середине девяностых годов он принял окончательное решение навсегда оставить Карелию и перебраться «к себе» в столицу. Художник продал дачу, избавился от библиотеки, состоявшей главным образом из красочных, великолепно исполненных, дорогих, приобретенных им когда-то в Москве художественных альбомов и книг по искусству. Охваченный думами о предстоящих решительных переменах в собственной жизни, всегда чем-то озабоченный, даже несколько угрюмый, Юссикайнен стал непроизвольно отдаляться от своего петрозаводского окружения, близких и знакомых людей, от своих коллег-художников. Последние годы перед переездом в Москву Рейно Юссикайнен жил один в своей мастерской на проспекте Ленина.

Из Карелии в Москву, город своей успешной беспечной молодости, с которым он связывал главные жизненные удачи и творческие находки, художник взял с собой только офортный печатный станок. Громоздкая металлическая конструкция повергла в шок жильцов многоэтажного дома на окраине Москвы, куда переехала супруга Юссикайнена после квартирного обмена. Двое мужиков с трудом протиснули печатный станок в подъезд. Растопырив мощные опоры, станок встал у стены, как гигантское, недоброе, чужеродное существо, причиняя жильцам множество неудобств.

Возвращение в город своей молодости не оправдало даже осторожных оптимистичных ожиданий Юссикайнена. Художник, достигший известности и признания во время карельского периода своего творчества, с переездом в Москву оказался в незавидном положении. Он неожиданно для себя оказался без рабочего места. О

том, чтобы получить в свое пользование приличную мастерскую, не могло быть и речи. Попытки найти нормальную художественную мастерскую, где можно было бы, как в молодые годы, установить мольберт, оборудовать рабочий угол, также не увенчались успехом. В поисках рабочего места художнику не помогли ни обращения в московский Союз художников, ни старые знакомства, ни альма-матер. Звание «Заслуженный деятель искусства Республики Карелия» вызывало у столичных чиновников ухмылку. Юссикайнен гневался, улавливая в скользких речах надменных самодовольных служащих от искусства слабо скрытый смысл: «Вы сначала дайте денег, деятель, тогда мы, может быть, вами займемся!»

Потеряв всякую надежду пристроиться со своим мольбертом и печатным станком в какой-нибудь художественной мастерской, Юссикайнен попытался организовать себе рабочее место непосредственно в квартире. Такой поворот дела поставил обитателей скромной московской жилплощади в весьма затруднительное положение. Вскоре мир и согласие покинули пределы когда-то гостеприимной и уютной квартирки. «Как вы не понимаете! – возмущался художник. – Мне для работы нужен живой дневной свет!» Бытовые мелочи, личностные коллизии – все то, чего ему легко удавалось избегать в Карелии, просто отъехав на несколько дней в Москву, теперь свалилось на голову немолодого художника.

В 1998 году и без того тягостная, неустроенная жизнь Рейно Юссикайнена в очерствелой, рыночной Москве потеряла важнейшую опору. В стране произошел дефолт, и все денежные средства художника, накопленные за годы работы и полученные от про-

дажи перед отъездом дачи-мастерской, библиотеки, пропали в одночасье. От такого удара судьбы человек, великими трудами сделавший себя сам, содрогнулся, ушел в себя, замкнулся. Он потерял свою горделивую осанку, заметно похудел. В его руках уже не стало былой силы, а ведь еще относительно недавно на даче в Матросах Рейно мог на одной руке несколько раз подтянуться на турнике.

Беда не приходит одна... Переезд в Москву, кроме трудностей и неудобств, принес художнику и чувство внутреннего облегчения, затаенной радости от воссоединения с сыном. Юссикайнен не без удовлетворения узнал, что его сын Андрей успешно занимается наукой. Молодой ученый работал над диссертацией по актуальной теме лечения онкологических заболеваний. Но случилась трагедия. Андрей погиб. Безвременная кончина сына, единственного остававшегося на земле продолжателя многочисленного когда-то рода Юссикайненов, окончательно сломила его.

На закате дней своей жизни Рейно сократил до минимума общение с людьми и практически ограничил свое жизненное пространство в квартире на окраине Москвы площадью печатного станка. Он стал дни напролет проводить на пленэре, рисуя прекрасные пейзажи Коломенского. «К себе» художник возвращался только на ночь. Чтобы не докучать никому своим присутствием, Рейно Юссикайнен устроил себе спальное место под станиной печатного станка. Там между кованых опор верного талисмана однажды сентябрьским утром 2010 года супруга и обнаружила бездыханное тело художника.

□

Рейно КОТТИ

родился в 1950 году в Красноярске,

окончил Карельский государственный педагогический институт,

работал в Петрозаводском государственном университете,

Институте языка, литературы и истории

Карельского филиала Академии наук.

Автор литературоведческих статей.

В настоящее время живет в Финляндии.

